

Зарегистрировано
№ _____
«__» _____ 2016 г.

_____ (расшифровка подписи)

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(НИУ «БелГУ»)

ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ

Кафедра журналистики

**Жанр «сна» в истории отечественной журналистики
XVIII – XIX вв. (на примере текстов А.П. Сумарокова,
М.Е. Салтыкова – Щедрина)**

Курсовая работа
студентки очной формы обучения
направления подготовки 42. 03. 02 Журналистика
профиль Международная Журналистика
3 курса группы 86001313
Овчаровой Дарьи Геннадьевны

Допущен к защите

«__» _____ 2016 г.

_____ (расшифровка подписи)
Подпись

Оценка

«__» _____ 2016 г.

_____ (расшифровка подписи)
Подпись

Научный руководитель:
Доцент кафедры журналистики

Нарожняя Светлана
Михайловна

БЕЛГОРОД 2016
ОГЛАВЛЕНИЕ:

ВВЕДЕНИЕ _____

___3

Глава 1. Появление и эволюция жанра «сон» в российской журналистике _____

___6

1.1 Политическая и социальная жизнь Российской Империи с 50-х гг.

XVIII в. до конца 70-х гг. XIX

века _____6

1.2 Жанр и прием сна в отечественной публицистике второй половины

XVIII века - 1800-1870-х гг. XIX века

_____20

Глава II. Характеристика журналистских текстов со второй половины

XVIII в. до конца 70-х гг. XIX

в. _____32

2.1 «Сон» как жанр в творчестве А.П. Сумарокова и В.А. Жуковского,

А.А.

Бестужева _____

___32

2.2 Использование «сна» как сатирического приема в сочинениях М.Е.

Салтыков-Щедрин, Ф.М. Достоевского, Н.Г.

Чернышевского _____

___43

ЗАКЛЮЧЕНИЕ _____

___56

СПИСОК

ИСПОЛЬЗОВАННОЙ

ЛИТЕРАТУРЫ _____58

Введение

Сухость изложения материала и ярко выраженная фактологичность не являлись основополагающими свойствами как российской, так и европейской журналистики вплоть до появления первых информационных агентств в конце 60-х годов XIX века. Главными функциями этого газетных и журнальных произведений, с момента возникновения русской периодической печати и до начала разночинского освободительного движения в России, являются комментариально-оценочная и гедонистическая. В то время как основной целью – не демонстрация бездушных фактов, но их оценка, призванная воздействовать на адресата и формировать мнение аудитории относительно какой-либо реалии действительности. Доказательством данного тезиса служит тот факт, что ряд печатных изданий, произведенный на свет за двумя титанами ранней отечественной периодики – газетами «Куранты» и «Ведомости», - специализировался, преимущественно, на материалах публицистического характера. Эта тенденция объяснялась тем, что журналистика в XVIII веке еще не сформировалась как институт, в соответствии с чем функционировала в качестве открытой площадки для полемики среди именитых политиков, писателей, радикалов и консерваторов, ученых и литературных критиков.

Ранняя отечественная журналистика как способ литературно – публицистической деятельности в газетах и журналах, с начала XVIII и вплоть до конца 60-х годов XIX века, породила огромное количество ярких литераторов, способных не только отразить факт, но и дать ему грамотную оценку. Такими литераторами стали М.В. Ломоносов, А.П. Сумароков, Н.И. Новиков, Н.М. Карамзин, А.И. Герцен, Н.А. Добролюбов, братья Достоевские, Д.И. Писарев и пр. Развивая журналистику в традициях публицистического начала, эти авторы

обращались к литературным жанрам и приемам для достижения художественно – эстетического эффекта. Особое внимание уделялось жанру «сна», который впоследствии превратился в публицистический прием и стал излюбленным методом у русских сатириков.

Актуальность выбранной темы объясняется слабой разработанностью эмпирической базы. Материалы, касающиеся темы эволюции литературного жанра внутри относительно нового вида литературной деятельности имеют тенденцию к обобщению. Лишь небольшое количество исследований посвящено детальному анализу журналистских произведений с целью проследить развитие соннического жанра на протяжении длительного времени.

Степень изученности темы является достаточно обширной. К данной теме обращались А.Д. Тараканова, А. Свентоховский, А.Н. Андреев, А.Н. Безруков и Д.С. Лихачев, Д.П. Николаев, Н.Ф. Денисюк. Исторический контекст отслеживали А.С. Бушмин, Б.И. Есин, Т.А. Бахор, Б.И. Кузнецов, А.С. Орлов, В.А. Георгиев. Научная статья А.Д. Таракановой «Русская литературная утопия второй половины XVIII века» и О.А. Корниенко «Сновидение как литературный прием (на материале романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»)», а также книга А. Свентоховского «История утопий. От Античности до конца XIX века» легли в основу теоретической части работы. Работа М. Дынник «Сон, как литературный прием» была использована в качестве теоретической базы исследования. Мы обращались к энциклопедии, составленной под редакцией Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина и др. «Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов». Также мы обращались к работе В.В. Савельевой под названием «Художественная гипнология и Онейропоэтика русских писателей».

Также была проанализирована диссертация О. Ю. Славиной «Поэтика сновидений: На материале прозы 1920-х гг.».

Объектами исследования является жанр «сна» в журналистике 50-х гг. XVIII в. до конца 70-х гг. XIX века, его эволюция и трансформация.

Предметом исследования является анализ журналистских материалов, посвященных теме «сна» в журналистских произведениях, созданных за период существования Российской Империи.

Цель исследования состоит в том, чтобы изучить и проанализировать журналистские материалы, посвященные этой теме с точки зрения наличия в них «сна» как жанра, а затем как приема.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Изучить исследования, посвящённые данной теме.
2. Проанализировать, как «сон» используется в произведениях российских публицистов в XVIII, а затем в XIX веках.
3. Выявить особенности использования «сна» как жанра, а затем как приема на примере произведений А.П. Сумарокова и В.А. Жуковского, А.А. Бестужева, М.Е. Салтыков-Щедрин, Ф.М. Достоевского, Н.Г. Чернышевского.

Основой **эмпирического материала** послужили публицистические произведения перечисленных выше авторов.

Ведущими **методами исследования** послужили описание и аналогия, т.к. в данной исследовательской работе были представлены

примеры использования «сна» в журналистских произведениях на протяжении конкретного промежутка времени, а также выявлены сходства между ними. Также мы сравнили использование «сна» в качестве жанра и в качестве приема, на основании чего были сделаны выводы.

Структура работы. Состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы. Во введении определены актуальность, степень изученности темы, объект, предмет, цели, задачи и методы исследования. В первой главе рассматривается политическая и социальная жизнь Российской Империи с 50-х гг. XVIII в. до конца 70-х гг. XIX века, а также появление жанра «сна» в российской периодике и его эволюция в сатирический прием. Во второй главе рассматриваются журналистские материалы по данной теме.

Глава 1. Появление и эволюция жанра «сон» в российской журналистике

1.1. Политическая и социальная жизнь Российской Империи с 50-х гг. XVIII в. до конца 70-х гг. XIX века

Необходимо помнить, что журналистика в условиях ее формирования рождается как реакция на политические события. Новая русская журналистика создается в условиях интенсивного западноевропейского влияния. Это напрямую связано с появлением в России частных журналов. Специфика усвоения западной словесной культуры в России обусловлена особой русской языковой ситуацией, которая принципиально отличается от языковых ситуаций в странах Западной Европы [3, С. 59]. Вслед за литературой, журналистика

вбирает в себя новые качества, появление которых обусловлено началом эпохи Просвещения в России. Она становится трибуной для выражения мнений интеллектуальной элиты России, оппозиционной политической верхушке во взглядах относительно путей дальнейшего развития страны. Такое столкновение объясняется противоречивостью и некоторой ограниченностью внутривполитических реформ, проводимых русскими правящими монархами в послепетровский период, зачастую агрессивной внешней политикой и весьма слабой внутренней в первой половине XVIII века.

Во второй четверти XVIII в. не проводилось крупных внутривполитических реформ. Преобразования Петра стабилизировали страну. Новые учреждения и социальные структуры создали определенную устойчивую модель общества [4, С. 109]. Внешняя политика России до 1762 года была сосредоточена на развитии отношений между Россией и Польшей, Россией и Турцией, Швецией. Русско-польская война (1733 – 1735) была развязана в связи с тем, что польский престол унаследовал Станислав Лещинский, получивший активную поддержку со стороны Франции. Затем Россией и Австрией была развязана война против Турции, после чего был заключен Белградский мир, но выхода к черному морю добиться не удалось. Что касается внутренней политики, то не стоит забывать о том, что с 1725 года берет начало временной промежуток насильственного захвата политической власти и передача ее нужному придворным лицу посредством дворцовых переворотов. Так как революция происходила внутри института государственного управления велась между монархами за престол и узурпацию власти, публицистика получила благодатную почву для роста и развития в сатирическом направлении.

К слову, отечественная журналистика в 20 – 30-е годы XVIII века находится в зачаточном состоянии. Центральным и единственным изданием Российской Империи до 1755 года остается газета «Ведомости». По мере своего становления как средство массовой информации, она меняет название, издателя, а потребность в ее существовании объясняется тем, что Россию на пути ее развития сопровождали модернизация экономических отношений, рост производительных сил, расширение торговли и промышленности, преумножение связей с зарубежными странами. С 1728 г. издание «Ведомостей» приняла на себя Академия наук. Газета получила постоянное название «Санкт-Петербургские ведомости». Первым редактором -составителем обновленной газеты был Г.Ф. Миллер (1705–1783). Он приехал в Россию из Германии в 1725 г. [5, С. 27]. С 1728 по 1742 г. выходило приложение к «Ведомостям», получившее название «Исторические, генеалогические и географические примечания». После закрытия «Примечаний» в 1742 году рынок отечественной прессы оставался монопольным до 1755 года, когда увидело свет издание Петербургской академии наук «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» (в 1758—1762 годы — «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие», с 1763 года — «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах»). 1755 год стал знаковым для российской журналистики не только по причине выхода в свет первого отечественного ежемесячного научно – популярного журнала, но и в связи с началом полемики на страницах печатного издания между тремя видными деятелями политики, литературы, науки и культуры. М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова и В. К. Тредиаковского объединяло то, что все они были ведущими поэтами эпохи и создателями теоретической системы русского классицизма, каждый из них был сторонником российского просвещения и выступал за развитие литературы. Результатом

полемики стала теория «трех штилей». Возникновению бурной полемики между тремя лидерами эпохи Просвещения в России способствовала политическая обстановка в стране.

Следствием затянувшейся «Эпохи дворцовых переворотов» стала атмосфера общей вседозволенности, казавшаяся полностью естественным явлением в царских и дворянских кругах. Отсутствие существенных преобразований во внутренней политике государства объяснялось еще и тем, что внимание действующего монарха и его приближенных было сосредоточено на решении внешнеполитических конфликтов. Такие конфликты носили военный характер и возникали последовательно. За двадцать восемь лет (1735 – 1763 гг.) Россия стала участницей ряда достаточно крупных войн: русско-польская, русско-турецкая, война России против Швеции, а также Семилетняя война. Сосредоточившись на решении внешнеполитических конфликтов, Россия ослабила контроль над внутренней политикой. Последствием стал ряд «социальных взрывов» в 50-60-е годы XVIII века. Расширение прав и привилегий дворянства достигалось за счет наступления на права основной массы населения страны — крестьянства. Государство испытывало огромные трудности при сборе налогов, так как усилилось бегство крестьян на окраины страны. В условиях, когда в народе были сильны царистские иллюзии, появлялись самозванцы. Исследователи отмечают на рубеже 50—60-х годов XVIII в. более 60 восстаний монастырских крестьян. С 1754 по 1764 г. волнения наблюдались на 54 крупнейших предприятиях Урала. Они охватили около 200 тыс. приписных крестьян. В 30—40-е годы XVIII в. дважды происходили восстания в Башкирии. Произвол царской администрации и крепостнический гнет вызвали массовые волнения многочисленных народов Приуралья и Поволжья. Страна

стояла перед необходимостью новых преобразований. Они были проведены при Екатерине II [4, С. 111].

Проблему хронического дефицита бюджета Екатерина пыталась решить выпуском бумажных ассигнаций. Укрепление и насаждение сословного строя в XVIII в. было одним из способов удержать власть в руках дворянства. Каждая категория населения (дворяне, духовенство, различные категории горожан, крестьян, казачество и др.) приобретала сословную замкнутость, соответствующие права и привилегии, зафиксированные в законах и указах. Неожиданно для Екатерины и ее приближенных в центре обсуждения оказался крестьянский вопрос. Некоторые депутаты — дворяне Г. Коробьин и Я. Козельский, крестьяне И. Чупров и И. Жеребцов, казак А. Алейников, однодворец А. Маслов — выступали с критикой отдельных сторон крепостничества. Екатерина II сделала попытку модернизации страны, создания законной самодержавной монархии, опираясь на тогдашний уровень знаний о природе и обществе. [4, С. 112, 114, 117].

На время начала правления Екатерины II приходится зарождение частной печатной прессы. Монополия государства на печатное слово, которую оно держало через Академию наук, заканчивается. Возникает ряд частных изданий, содержание контента которых определяет развитие отечественной журналистики на десятилетия вперед.

В конце января 1759 г. в Петербурге тиражом 1200 экземпляров вышел первый номер ежемесячного журнала «Трудолюбивая пчела», издателем которого был А.П. Сумароков, известный литератор, убежденный монархист, противник злоупотребления властью, сторонник идеи крепостного права. Сумароков способствует развитию

жанра сатирического очерка и фельетона, выражает озабоченность судьбами русской литературы, театра, России в целом.

В это же время разворачивает журналистскую деятельность известный на тот момент в литературных кругах М.М. Херасков. С его творчеством связан ряд изданий Московского университета, среди которых можно отметить «Полезное увеселение». Политические взгляды авторов журнала «Полезное увеселение» умеренно консервативны и идут вразрез с позицией Сумарокова. Представители группы ничего не собираются менять в российских порядках, находят себя равнодушными к положению крестьян и жестокосердию помещиков.

За десятилетие, с 1762 по 1772 г. в России по официальным документам отмечено 40 крупных восстаний, охвативших до 250 тысяч крестьян [5, С. 53]. Правительство Екатерины II стремилось усилить власть помещиков и землевладельцев, что усугубляло ситуацию, связанную с крестьянским вопросом. По словам А. Н. Радищева, «крестьянин был в законе мертв». В этой обстановке с конца 50-х – начала 60-х годов XVIII века в России происходит оформление первых антидворянских течений в литературе и публицистике, чему способствовало «вольномыслие» императрицы и ее показательные заигрывания с передовыми философами Западной Европы. В среде дворянской интеллигенции происходило прощание с иллюзиями относительно Екатерины II и ее «прогрессивной» политики. Стало ясно, что императрица никак не собирается менять положение крестьян и даровать вольномыслящим дворянам особые права и свободы. Крепостники-дворяне защищали свои исконные права и ожесточенно спорили с защитниками крестьянских интересов.

Желая и далее формировать общественное мнение, императрица обратилась к журналистике. В 1769 г. она стала издавать сатирический журнал «Всякая всячина». Главной идеей журнала была критика человеческих слабостей, пороков и суеверий («сатира в улыбательном духе»). Екатерина II пыталась свести дело к ироническому подсмеиванию над модницами и щеголями, скрягами и хапугами, суеверием и прожектерством. Против такого подхода к задачам журналистики выступил выдающийся русский просветитель, писатель и публицист Николай Иванович Новиков. А. С. Пушкин справедливо писал о том, что Н. И. Новиков был одним из тех, «кто распространял первые лучи просвещения в своем Отечестве» [4, 117].

В изданиях Новикова «Трутенъ» и «Живописецъ» можно было найти картины бесконечного произвола со стороны помещичьего сословия, убежденного в своем крепостничестве, ориентированного на угнетение крестьян. Знаменит эпитафия, в полной мере отразивший взгляды просветителя «Трутня»: «Они работают, а вы их труд ядите».

Полемика между изданием «Всякая всячина» (1769), принадлежавшем императрице Екатерине II, и журналами Новикова стала ярким подтверждением того, что Россия требовала преобразований и решительного шага на пути рыночным отношениям. Крепостничество как порабощение одного человека другим, а также безнаказанность властей, разнузданность дворян, отсутствие законов, которые могли бы обеспечить равенство между классами, широкая цензура и противоречивость свободы творчества вызывали у рефлексирующей интеллигенции раздражение и глухой бунт. Новиков выступал за сатиру на лица, Екатерина II отстаивала сатиру на пороки, т.е. сатиру абстрактную, склонную к морализаторству. Однако

морализаторством и полумерами разрешить назревший конфликт не представлялось возможным.

Разумеется, внешнюю победу одержала Екатерина: журналы Новикова, Фонвизина и других просветителей-демократов были закрыты, но идейная победа осталась на стороне журналистов, критиковавших крепостничество, взяточничество, галломанию дворянства и придворных, распущенность нравов и прочие социальные грехи их реальных носителей — дворян-помещиков, чиновников [6, С.7]. Среди числа закрытых изданий Новикова был «Трутень», где журналист обвинял действующую власть в бездельи и бесхарактерности, журнал «Живописец», являвший собой сводку комментариев, посвященных литературным выступлениям императрицы. Сатирические журналы Новикова представляют собой один из важнейших этапов развития русской журналистики XVIII в. и служат заметной вехой на пути движения великой русской литературы к реализму. События 60-х годов, включающие в себя крестьянские восстания, стали прецедентом крестьянской войны.

Крестьянская война началась в 1773 году с захвата отрядом Е. И. Пугачева небольших городков на Яике и осады Оренбурга и окончилась поражением в 1775 по причине свойственных ей стихийного характера, локальности движения, неоднородности социального состава, плохого вооружения, наивного монархизма, отсутствия ясной программы и цели борьбы [4, С.120]. Эта война вынудила Екатерину II принять реформы по закреплению сословных прав населения.

Крестьянская война, идеи русских и французских просветителей оказали воздействие на формирование взглядов Александра

Николаевича Радищева (1749—1802). В «Путешествии из Петербурга в Москву», в оде «Вольность», в «Беседе о том, что есть сын Отечества» А. Н. Радищев выступал с призывом «совершенного уничтожения рабства» и передачи земли крестьянам. Он считал, что «самодержавие есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние», и настаивал на его революционном свержении [4, С.122]. А.Н. Радищев оставил след в отечественной журналистике в виде ряда публицистических выступлений (брошюра «Письмо к другу», «Беседа о том, что есть сын отечества» в «Беседующем гражданине». «Человек, человек потребен для ношения имени сына отечества!» - в этом восклицании видится будущее литературной России в лице А.П. Чехова и Л.Н. Толстого. Этот человек – патриот не на словах, а на деле; личность, которая работает над «настоящим» Россию и старается словом поставить страну на те рельсы, которые в итоге приведут ее не к засилью вертопрахов, развратников, щеголей, жадных корыстолюбцев и обжор-чревоугодников. Слабость политики России заключалась в недостатке озабоченных судьбой страны борцов. Радищев выражает надежду на то, что наступит момент, когда эти люди из литературных героев превратятся политиков, литераторов и критиков. Большие надежды он возлагает на газеты и журналы как арену борьбы господствующих идеологических систем.

В целом, к концу XVIII столетия сложилась система печати, достаточно гибкая, чтобы удовлетворить потребности читателя. Появились частные издания прогрессивного направления, установилась тесная связь литературы и журналистики. Определились две основные линии: монархическая, крепостническая и оппозиционная, антикрепостническая и частично даже антимонархическая. Оппозиционная печать по связям с общественным движением, передовой идеологией, несмотря на

царскую цензуру, встала вровень с возникшей раньше ее по времени западноевропейской журналистикой. Журналистика XVIII в. дала образцы язвительного памфлета, памфлета-пародии («Письма Фалалею» Новикова, «Похвальная речь в память моему дедушке» Крылова). Она показала богатые возможности эпистолярного жанра (Крылов, Фонвизин). Карамзин предпринял попытки в области интервью. Устами Ломоносова и Радищева сформулирован первый кодекс передового журналиста, журналиста-гражданина. XVIII в. в лице своих лучших представителей завещал последующим поколениям журналистов правдивость, гражданское достоинство, скромность как неперемненные профессиональные качества [5, С.12].

Обращаясь к истории отечественной журналистики разночинского периода освободительного движения в России (А.В. Западов), мы видим, что кризисы, назревшие еще в конце XVIII века, к середине XIX века достигают своего пика. Сравним проблематику данного периода с проблематикой времени освободительного движения в XIX веке.

Во второй половине 50-х годов XIX в. (период подготовки крестьянской реформы) в общественно-политической жизни России наметилось определенное сближение разных идейных направлений [4, С.196]. Реализация крестьянской, Земской и Судебной реформ привела к кризису внутри идейно-политической борьбы и к размежеванию общества.

В общественно – политической жизни России второй половины XIX в. наблюдается ослабление политической вовлеченности широкого круга народных масс. В народе сохраняется вера в «доброе» царя как объект пропаганды консервативных кругов.

Вспыхнувшие в 1861 году волнения в крестьянской среде угасают. Помимо этого, наблюдается зарождение рабочего движения в России.

К 60-м годам XIX века внутри общественного движения оформились три направления: консервативное, либеральное и радикальное. Россия находилась на сломе эпох, когда необходимо было порвать с догматами и научиться жить в ногу со временем. Такого мнения, как правило, поддерживали либералы, придерживаясь позиций умеренности и последовательности, и радикалы, склонные к революционным настроениям. За отказ от прогрессивного развития России по Западному пути выступали консерваторы.

Консервативное направление включало в себя часть дворянства, духовенство, мещан, купцов и большую часть крестьян и действовало в рамках теории «официальной народности».

Это направление выступало за самодержавие и проведение контрреформ, единение славян вокруг России, патриархальный образ жизни и сохранение помещичьего землевладения. Основной идеей являлось безоговорочное подчинение власти.

· Идеологами консерваторов были К. П. Победоносцев, Д. А. Толстой, М. И. Катков.

К особенностям российского либерализма, состоявшего из буржуазии, помещиков и интеллигенции, относились близость к консерватизму, политическая слабость буржуа, неспособность организовать оппозицию правительству, единство либералов с консерваторами в борьбе с радикалами.

Либералы выступали с идеей общего с Западной Европой пути исторического развития. Они полагали, что введение конституции и ряда политических и социальных свобод обеспечит России достойный путь развития. Другими словами, склонялись к формуле «эволюция путем модернизации». реформ. Они выступали за создание общероссийского выборного органа (Земского собора), расширение прав и функций местных органов самоуправления (земств). Политическим идеалом для них была Конституционная монархия. Либералы ратовали за сохранение сильной исполнительной власти, полагая ее необходимым фактором стабильности [4, С.197].

Идеологами либералов являлись ученые, публицисты, земские деятели (К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин, П. В. Долгоруков и др.). Их организационной опорой были научные общества, земства, журналы («Русская мысль», «Вестник Европы») [4, С.197].

Радикальное направление во второй половине XIX в. было представлено разночинским сословием, которое стремилось представлять интересы рабоВ радикальном направлении второй половины XIX в. господствующее положение занимало течение, идейным основанием которого была теория особого, некапиталистического развития России и «общинного социализма» [4, С.197].

В истории движения радикалов второй половины XIX в. выделяются три этапа: 60-е годы —70-е годы — оформление народнической доктрины, особый размах агитационной и террористической деятельности организаций революционных народников; 80—90-е годы — активизация либеральных народников и начало распространения марксизма, на основе которого были созданы

первые социал-демократические группы; в середине 90-х годов — ослабление популярности народничества и непродолжительный период широкого увлечения марксистскими идеями демократически настроенной интеллигенцией [4, С.197].

Каждый период времени, связанный с деятельностью радикалов, получил отдельное название. В истории радикальные направления остались как «шестидесятники» (1861— 1862 гг.), «Земля и Воля» (1861 – 1864), «Раскольники» в лице А.И. Герцена и Н.Г. Чернышевского (рубеж 60 – 70х годов XIX века), «Земля и Воля» (1876 – 1879 гг.) «Черный передел» (1879 – 1881 гг.), «Народная воля» (1879 – 1881 гг.), Либеральные народники (90-е годы XIX века) и т.д.

М. А. Бакунин (1814—1976) представлял анархистский лагерь народничества и выступал за безгосударственное устройство общества, которое являло бы собой перевёрнутую пирамиду свободных организаций: рабочих ассоциаций, общин, волостей, областей, народов. Революционные взгляды Бакунина и его стремление подтолкнуть народ к революции основывались на стремлении к победе социализма.

П. Л. Лавров (1823—1900), преподававший математику в военных заведениях, являлся активным сторонником пропагандистского направления и членом «Земли и воли». Свои взгляды на революцию он отразил в период журналистской деятельности, когда был редактором журналов «Вперед!» и «Вестника «Народной воли». Более всего П. Л. Лавров склонялся к тому, что для осуществления революции нужна хорошая и длительная пропаганда. Такая пропаганда могла бы постепенно менять сознание народа и, в

конечном итоге, привести его к мысли о необходимости резких перемен.

Будучи теоретиком заговорщического направления народничества, П. Н. Ткачев (1844—1885) сотрудничал со многими журналах, а в 1873 г. начал издавать свой собственный - журнал «Набат». Подобно Лаврову, Ткачев отмечал особую революционную роль социального меньшинства. Однако главной целью, по мнению Ткачева, были захват государственной власти и активная деятельность сильных подпольных организаций революционеров.

Кружки «народников» в начале 60-х гг. организовывали пропагандистскую деятельность и использовали политический террор. Примером террора служит покушение члена организации Д. В. Каракозова на императора Александра II в 1866 г., после которого Каракозов был арестован на месте преступления, а деятельность организации «ишутинцев» прекращена.

В 1869 г. бывший учитель С. Г. Нечаев (1850—1881) стал главой тайной организации «Топор, или Народная расправа». С. Г. Нечаев рассматривал насилие как основную движущую силу революции. От членов общества требовался отказ от любых моральных норм. Главным лозунгом являлся «Цель оправдывает средства». В глазах революционеров человеческая жизнь не имела ценности. Как следствие, границы между революционной борьбой и преступлением становились все более размытыми. «Топор, или Народная расправа» предвосхитила практику большевиков.

В 1876 г. возникла организация народников под названием «Земля и воля», которая не являлась тождественной организации с аналогичным названием, действующей с 1862 по 1864 год, в члены

которой входил Н. Г. Чернышевский. В связи с кризисом общего характера внутри движения народников и внутренними разногласиями «Земля и воля» распалась на две организации — «Народную волю» (А. И. Желябов, А. Д. Михайлов, С. Л. Перовская) и «Черный передел» (Г. В. Плеханов, В. Н. Игнатов, О. В. Аптекман). идеология народничества пришла в глубокий упадок после убийства Александра II и разгрома народнических организаций. В результате кризиса народничества и роста рабочего движения часть интеллигенции обращается к марксизму.

Основой общественно-политических процессов негласно объявляется рабочее движение. В 70-е гг. были предприняты неумелые попытки образования рабочих организаций, однако более организованным рабочее движение становится в 80-е гг., где берут начало массовые стачки. Одной из значительных считается стачка в 1885 г. на текстильной фабрике Морозова.

Общественное движение во второй половине XIX в. в отличие от предшествующего времени стало важным фактором политической жизни страны. Многообразие направлений и течений, взглядов по идейно-теоретическим и тактическим вопросам отразило сложность общественной структуры и остроту социальных противоречий, характерных для переходного времени пореформенной России. В общественном движении второй половины XIX в. не сложилось направление, способное осуществить эволюционную модернизацию страны. Однако обозначились социально-политические силы, которые сыграли главную роль в революционных событиях начала XX в., и были заложены основы для формирования в будущем политических партий [4, С.202].

Общественный кризис так и не был решен. Вместо этого, он приобретал все более отчетливые очертания. Обнищавшее крестьянство и городская беднота служили источником формирования пролетариата. Особенность рабочего класса России состояла в том, что он не порывал своих

связей с деревней. Поэтому созревание кадрового пролетариата шло медленными темпами. В России сложились тяжелые условия труда и быта, отсутствовали профсоюзы и система страхования рабочих. Все это поднимало их на борьбу за экономические права. Попытки правительства путем издания фабричных законов вмешаться во взаимоотношения предпринимателей и рабочих были малоэффективными. Антиправительственная деятельность революционеров попадала на благодатную почву пролетарского недовольства жесткой системой эксплуатации, сложившейся в стране [4, 194 – 195].

1.2 Жанр и прием сна в отечественной публицистике второй половины XVIII века - 1800-1870-х гг. XIX века

Мотив сновидения появился в русской литературе в период рассвета отечественной культуры. Достаточно вспомнить текст «Слова о полку Игореве», один памятников древнерусской культуры, где упоминается вещий сон Святослава о его погребении. Для первобытных людей сновидение было совершеннейшим источником высшего знания и предвидения важнейших событий их личной и общественной жизни. Приснившийся сон, будь он устрашающе зловещим или недвусмысленно благоприятным, без промедления сообщался умудренному опытом онироманту (сногадателю), подробно, во всех деталях обсуждался в кругу близких родственников и знакомых [11, С.35]. Впоследствии онирическая тематика использовалась и продолжает использоваться авторами в целях создания исключительного времени и пространства для своих персонажей.

Е.Л. Черткова также отмечает, что специфической чертой русских утопий всегда было преобладание в ней нравственного начала над рациональным. [4, с. 180, 181].

Определение «утопии» достаточно емко отражает смысл произведений данного жанра, и роль «сна» как производного от «утопии» жанра или как приема выглядит и способом создания «благословенного места», и сатирическим приемом для придания тексту большей злободневности.

Утопия - (греч. ou – не, нет и topos – место, т.е. место, которого нет; иное объяснение: eu – благо и topos – место, т.е. благословенное место) – произведение, наделенное чертами художественного,

сущность которого определяется созданием автором картины идеального общественного устройства; построено на контрасте, причем контраст является скрытым и понимается как контраст при сопоставлении реально существующего положения вещей и того, что заявлено в авторском тексте. В основу такого контраста заложено существующее и осознаваемое автором противоречие, назревшее в государстве. Или же несоответствие действительности ожиданиям, которыми живет та или иная социальная прослойка. В системе существующего государственного устройства данный контраст воспринимается как противоречие, которое необходимо устранить, и для того, чтобы осознать противоречие, используется метод «от противного» (что произойдет, если все будет устроено не так, как видится?) [13, С.6-9].

Т.В. Артемьева указывает на то, что социально-политическая утопия эпохи Просвещения имела ряд характерных черт [25, с. 9].
Таковы:

- 1) идея «просвещенного монарха», который силой данной ему власти способен провести необходимые реформы;
- 2) представление о софиократии или фило-софиократии как политической системе, где власть принадлежит мудрецам или философам;
- 3) идея совершенных законов;
- 4) представление об идеальном, «естественном» человеке, черты которого пытались увидеть в «простом народе»;

5) убежденность в том, что духовное просвещение способно изменить нравственное состояние общества.

Важно осознавать, что любое утопическое произведение всегда является отражением главных общественных потребностей, и эти потребности являются недостижимой в реальной жизни материей, соприкоснуться с которой можно только погрузившись в сон. «Сон» абстрактен и идет вразрез с реалиями действительности, оставляя пространство для анализа реалий.

Литературные памятники полны сюжетами в рамках жанра «сна». Их можно поделить на два класса реалий разного уровня абстракции, имеющих различное происхождение [14, С.92]:

1. Сжатый вариант «сна» вводится в произведение с целью украсить его как вещий сон. Вещий сон толкуется автором, что позволяет увидеть проекцию дальнейших событий. Пример такого «сна» можно найти в «Эпосе о Гильгамеше».

2. Более свободная форма в виде повествовательной рамки или обрамления целого произведения. Такая разновидность является близкой к жанру видения. «Сон одного из действующих лиц литературно-художественного произведения может служить как бы рамкой, или обрамлением, основного сюжета, своеобразно подчеркивая его и выделяя на фоне второстепенных подробностей» [8, Литературная энциклопедия / <http://feb-web.ru>].

Первый вариант художественного подхода ко «сну» представлен, как правило, в эпосе. Второй возник на более поздней стадии формирования литературного процесса, в Древнем Риме. В поэзии Средних веков сновидение — наиболее часто встречающаяся

рамка («Роман о Розе», трактат Фруассара «Любовное сокровище» и т.д.). Реже его можно увидеть в прозе («Четырехголосая инвектива» Алена Шартъе, 1422).

3. Сон-сюжет. Автор описывает сновидение, и такое описание является формой, которая обрамляет основной сюжет. Таким образом, литературное произведение становится отражением содержательной стороны сна одного из персонажей. Такой прием художественной изобразительности позволяет читателю или стороннему наблюдателю погрузиться в атмосферу эстетического созерцания, уйдя от действительности. Иначе говоря, погрузиться в сон на начальном этапе развития действия, а затем пробудиться по завершении действия — и вернуться к переживаниям обыденной жизни». Зачастую сновиденье героя остается не более чем видом сюжета на один эпизод, выделяемый как значительный.

Можно найти примеры подобных снов в русской литературе: это и сон Обломова, в котором заключается вся смысловая нагрузка романа, и сон Татьяны из «Евгения Онегина», где раскрывается смысл дуэли.

Зачастую обрисовка сна может помочь правильно понять запутанный сюжет или сложный характер персонажа. Описание сновидения — это прием для изображения иррационального, потустороннего мира, а также средство перехода от одного эпизода к другому, например, в описании путешествия [8, Литературная энциклопедия / <http://feb-web.ru>].

4. Психологический сон. Является характеристикой внутреннего состояния героя. Прием появился еще «на заре человечества» в литературе древних римлян и усложнился в литературе Нового

времени. Актуализации такого приема способствовала популяризация психоанализа на раннем этапе его становления. Сновидения данного типа являются своеобразным духовным катарсисом, этическим и мировоззренческим „чистилищем“, путеводной нитью к первоначальным и незыблемым, общечеловеческим моральным ценностям и императивам» [11, 105 – 108].

Описание сновидения как литературный прием эффективно используется в случае сложного, запутанного или фантастического и непонятного сюжета. Упоминание о том, что действие происходит во сне, добавляется автором в самом конце. Юрий Лотман пишет, что сон «говорит с человеком на языке, понимание которого принципиально требует присутствия переводчика [15, С.220]. Сну необходим истолкователь — будет ли это современный психолог или языческий жрец» [15, С.227], следовательно, текст необходимо анализировать.

Опыт «мерцания между первым и третьим лицом, реальной и условной сферами деятельности», человек получает только в сновидениях. Таким образом, во сне грамматические способности языка обретают «как бы реальность». Область зримого, прежде простодушно отождествляемая с реальностью, оказывается пространством, в котором возможны все допустимые языком трансформации: условное и нереальное повествование, набор действий в пространстве и времени, смена точки зрения. Одна из особенностей сна состоит в том, что категории говорения переносятся в пространство зрения. Без этого опыта невозможны были бы такие сферы, как искусство и религия, то есть вершинные проявления сознания» [15, С.224-226].

Существует большое количество вариантов использования сна как жанра или как приема

«Сон» заявлен и как рамка литературного произведения форма основного сюжета, и как форма эпизодического сюжета, и как неожиданное разъяснение фантастического сюжета, а также выполняет роль завязки и разрешения сложной коллизии, служит изобразительным эффектом, выполняет переход от действительности к утопическому будущему или от прошлого к современности. В некоторых произведениях «сон» становится вещим предвосхищением героем судьбы, то есть развязки литературного произведения, изложением мировоззрения, этической оценкой, настроением и т.д. [8, Литературная энциклопедия / <http://feb-web.ru>].

Выделяется ряд мотивировок введения сна в текст. Эти мотивировки убеждают в том, что сон есть "универсальный медиатор между реальностью и текстом." Таким образом, проблемы функциональности литературных снов и использования снов как приема условности были, в достаточной мере, исследованы. Но это, как нам кажется, не определяет полностью аспект-ность этой темы. Есть еще очень важный мотив включения сна в литературный текст - стремление автора передать определенный жизненный опыт [10, Славина О. Ю. / <http://cheloveknauka.com>].

Мотивировки имеют несколько аспектов, которые могут заключаться в возможности полной свободы героя до момента просыпания, эстетико-философских комментариях к жизни, возможности путешествия во времени, возможности увидеть будущее человечества (создании утопии или антиутопии), а также в осознании

прошлых поступков и реализации, таким образом, вины героя через «сон» [9, Руднев В., научная статья].

Таким образом, можно сказать, что жанр «сна» зародился вместе с литературным процессом, который сопровождал на протяжении веков. По мере того, как менялась общественная и политическая мысль, претерпевало модификации отношение к человеку, психологизм постепенно становился во главу угла, «сон» как жанр, а затем как прием, адаптировался под определенный объект литературной мысли. Можно выделить две основные составляющие, которые «сон» привносит в литературное или публицистическое произведение: психологизм и утопизм. Психологизм состоит в раскрытии внутреннего состояния героя, а утопизм – в создании идеальных условий жизни, невозможных в реальности, но доступных во сне.

Онирическая или, другими словами, сновидческая тема в классицизме и реализме как господствующих литературных направлениях 18 – 19 вв. принимала различные формы и виды. В зависимости от способа подачи материала тексты принимали все более новые и различные звучания. Классицистические произведения онирической тематики этого времени служат своего рода прецедентом мистицизма, который получит развитие позже, в конце 19 века и станет попыткой писателей на страницах произведений совершить побег от реальности, уродливой и прозаичной в своем проявлении. Жанр «сна» стал тем самым прецедентом появления текстов, близких к экзистенциализму [11, С.24]. Интерес вызывает и тот факт, что жанр «сна» к середине XIX века эволюционировал до сатирического приема, превратившись из «чистого» переживания в инструмент создания злободневности на страницах литературных произведений.

Многогранность «сна» и способы его использования позволяют сделать вывод о многогранности литературного и, как следствие, журналистского творчества российских сатириков.

Важно сказать, что в чистом виде жанр «сна» является недостаточным для помещения его в систему жанров и может быть идентифицирован как определенный жанр только после детального знакомства с историей и теорией мировой и отечественной журналистики.

А.А. Тертычный классифицировал художественно-публицистические жанры по следующим признакам: художественная образность, эмоциональная выразительность, глубина авторского обобщения действительности. Необходимо разобраться, что представляют собой данные жанры для того, чтобы объяснить наличие мотива «сна» в произведениях, взятых для рассмотрения [45, С.111 – 117].

Фельетон - (фр. «feuille» - лист, листок) малая художественно-публицистическая форма, характерная для периодической печати (газеты, журнала) и отличающаяся злободневностью тематики, сатирической заостренностью или юмором. Кроме того, фельетон является средством осмеяния какого-то зла, литературное произведение, ориентированное на вынесение пороков какого-либо лица на «поверхность» действительности. В этом состоит основное отличие фельетона от памфлета, который направлен на осмеяние окказиональных процессов, с которыми сталкивается общественность в повседневной жизни. И такие окказиональные процессы, как правило, происходят из-за халатности властителей [45, С.193].

Памфлет - разновидность художественно-публицистического произведения, обычно направленного против политического строя в целом или его отдельных сторон, против той или иной общественной группы, партии, правительства и т. п., зачастую через разоблачение отдельных их представителей [45, С.202].

Очерк - литературный жанр, отличительным признаком которого является художественное описание по преимуществу единичных явлений действительности, осмысленных автором в их типичности. Очерк строится на типичности и типизации, поскольку описывает реальное лицо в его непосредственных взаимоотношениях с действительностью. Таким образом, вымысел не годится для написания очерка, а полет фантазии автора проявляется в методах подачи типичных черт в авторском произведении [45, С.233].

Тем временем, на журналистику 18 века воздействуют факторы разного рода, в том числе и мистическая составляющая социокультурной реальности, проявившая себя в осознании влияния неосознанного на объективные действия человека.

В 1784 году Г.Р. Державин дописывает свою знаменитую оду «Бог», над которой до этого работал четыре года, и это знаменательное событие в жизни писателя происходит потому, что ему «приснился» финал, а именно последняя строфа [21, С.85]. В основу сюжета комедии А.С. Грибоедова ложится сон самого Грибоедова, о чем он признается в письме неизвестному адресату и подробно его описывает [22, С.270]. Неспроста произведение открывается тем, что Софья рассказывает о своем сне. «Северный вестник» в 1895 г. начинает публиковать первый роман Ф. Сологуба «Тяжелые сны»,

«блистательное завершение мирового романтизма в традициях европейской культуры» [20, С.97].

Примечательно, что «сон» как жанр или как мотив изобилует в произведениях, которые можно идентифицировать как произведения в духе символизма.

Символом иной реальности, в которой не попирается видеть то, что видится, и говорить об этом, а не «замалчивать» и не притворяться. Журналистика наводнена литературными текстами, центральные издания публикуют преимущественно литературные произведения, и положение вещей остается таким до появления первых телеграфных агентств в России в конце 19 в., что становится началом чего-то нового для отечественной журналистики, а именно началом журналистики в том понимании, в котором она существует сейчас [5,С.310].

«Сон» проникает в произведения классических русских писателей и в форме жанра, и в форме мотива в литературу, а через нее и в журналистику, тем самым формирует особое литературное пространство, впоследствии сведенное к арене борьбы за выживание оппозиционных взглядов и различных точек зрения.

Существует противоречивые взгляды относительно места, которое «сон» должен занимать в литературе. Аргентинский писатель Х.Л. Борхес называет «сон» полноправным «особым жанром» [18, С.25], которому свойственны характерные эстетические признаки, в числе которых яркая образность, символика, фантастичность, аналогичное построение сюжета, абсурдность и непредугаданность каждой ситуации. Наш соотечественник А.М. Ремизов в своих исследованиях рассматривает сон как литературный прием,

формирующий жанр, или же как жанровое своеобразие текста, а также отмечает, что без «сна» «и по-русски не пишется» [19, С.235]

Так, по словам Н.И. Греча, повествование, где на первый план выдвигаются «причуды воображения, таинственные вымыслы и непонятные сны не могут быть неуместными»¹⁶. Журналистские тексты, построенные на таких «причудах воображения», как и сам «жанр» сна, являются своего рода ответом цензуре, «улыбателям» и либералам, которые со свойственной им настойчивостью стараются искоренить «неудобные» для политической системы взгляды и способы мышления. «Прячась» от реальности за сновидением и объясняя опережающий время и абсолютно радикальный текст, писатели прибегают к жанру сна, тем самым формируя у читателя представление о том, что если процессы, осознаваемые государством, могут игнорироваться и попираются, то процессы на уровне бессознательного рано или поздно станут явью, из текста они вырастут в протесты.

60-е годы XVIII века для Российской журналистики напрямую связаны с возникновением частных изданий и, как следствия, укрепления в сознании граждан нового понимания журналистики. Журналистика еще не институт, а чистый прецедент информационного поля. Информация в первых российских газетах и журналах дана в минимальных количествах и вытеснена на «задворки» публицистикой, где превалирует оценочность. До 1759 года все печатные издания были государственными. Этот факт можно объяснить тем, что, спустя пятьдесят лет после зарождения журналистики в нашей стране, российская интеллигенция в полной мере осознала степень значимости явления журналистики как способа влиять на общество средством живого слова. При всем при этом, говорим «живое слово» -

понимаем «правильно подобранное и мастерски вкрапленное в материю произведения. Выпускники Сухопутного шляхетского кадетского корпуса составляли собой пласт высокообразованных молодых людей, и постепенно привилегированные дети государственных служащих высшего ранга становились известными литераторами и, что немаловажно, публицистами [6, С.17].

Идея борьбы за вольномыслие укрепилась окончательно в 70-е годы XIX века. Именно в 70-е годы XIX века представители российской интеллигенции сталкиваются с осознанием того, что человек, по природе своей, свободное существо, и власть существует для того, чтобы регулировать конфликты внутри общества и не допустить анархии.

Журналистика претерпевает сильнейшие изменения: меняются реформы, цензура ужесточается, цензура смягчается, возрастает информационная составляющая текстов благодаря возникновению информационных телеграфных агентств.

Персонификация приобретает новые оттенки, наконец возникает образ бессознательного в русской журналистике, неосязаемого трепета перед неотвратимостью судьбы и страха перед человеческой силой, способной изменить ход событий. В осознании того, что в своем единении и откровенности с самим собой лежит ключ к соблюдению целесообразности и присутствия чувства меры, которое политическая власть ввиду своей неограниченности утратила, рождаются новые жанры и мотивы, связанные с потусторонним миром. Этот мир находится за гранью человеческого сознания и познается посредством сна или медитации.

Под началом И.А. Крылова появляется «Почта духов» (1789 г.), где в беседе с потусторонними существами, водяными, воздушными и подземными духами, философ не соглашается с мерами, предпринимаемыми властью [17, С. 125].

Первым же непосредственно в жанре сна из российских журналистов попробовал себя А.П. Сумароков. «Сон счастливое общество» стал отправной точкой в становлении сна как журналистского жанра, поскольку до этого он использовался только в художественной литературе. И продолжает использоваться, хотя и не как жанр в чистом виде, но с присущими ему жанровыми характеристиками. А еще позже мотивы «бессознательного» и жанр «сна» положат начало новому направлению русской литературы – символизму. И журналистика возьмет его за основу в попытке взять перерыв и перестать уделять политике столько внимания, поставив целью экономию душевных сил.

Жанр «сна» также является производным жанра «утопии» и используется для того, чтобы погрузить объект повествования в условия, диаметрально противоположные привычным, для выявления сравнений. На основании таких сравнений автором делается вывод о том, какие перемены необходимы обществу. Если же общество в них нуждается, то автором предлагается путь решений – как делает А.П. Сумароков, призывая правителя приблизиться к идеалу, чтобы «вылечить» общество, по его мнению, не способное на самостоятельные решительные действия. Если же автор избегает нравоучений, его текст тяготеет к реализму. Из древнего утопического жанра «сон» произрастает сатирический прием и служит созданию текстов «периода реакции», направленные против «молчалинства», а именно безразличия к насущным вопросам современности,

стремления к личному благополучию господствующим в либеральном обществе [5, С.311-316]. В эпоху шестидесятых годов происходит расцвет русской сатирической журналистики, и «сон» как прием выступает как способ создания контраста для придания текстам большей злободневности, как это делает М. Е. Салтыков – Щедрин и другие сатирики.

Глава 2. Характеристика журналистских текстов со второй половины XVIII в. до конца 70-х гг. XIX в.

2.1 «Сон» как жанр в творчестве А.П. Сумарокова и Г.Р. Державина, М.М. Щербатова

Жанр «сна» активно используется авторами – классицистами XVIII века. Традиционные мифологемы, запечатлевшие иерархию яви и сна с очевидным предпочтением высшей, истинной реальности последнего, не редки и в русской поэтической классике — к примеру, в стихах Тютчева («Все лучше там (во сне), светлее, шире. Так от земного далеко...» [11, С.36]

В стремлении к рациональности, «век Просвещения не мог отказать себе в утопическом воображении», которое на страницах журналов приобретало различные формы [24, С.157]. Одной из форм стал жанр «сна», подходящий под жанровые характеристики утопии, но подразумевающий под собой онирическое начало.

«Утопические идеалы в литературе Просвещения можно найти в публицистике Державина, Тредиаковского, Сумарокова, Щербатова и Хераскова, планах государственного переустройства Панина и самой Екатерины, государственных актах, программах тайных политических и религиозных обществ, описании путешествий» [25, С.177].

Нельзя не отметить, что онирическая тематика приобретает актуальность в кризисные моменты для государства и общества. Например, упомянутое выше «Слово...» появляется предположительно в конце XII века, спустя некоторое время после

описываемого в нем события [16, С.40]; произведения А. П. Сумарокова «Сон счастливое общество» и «Хор ко превратному свету» появляются в 60-е годы XVIII века как возможный вывод касательно «Российского Просвещения», объявленного Екатериной II; «Сон Обломова» в произведении И. А. Гончарова выглядит как вызов либералистам и обличение их пассивной природы. Можно видеть, как утопия набирает обороты, трансформируясь из жанра в литературный прием к концу XIX века.

Публицистика А.П. Сумарокова включает в себя образцы стихотворной и прозаической утопии. В утопии «Сон. Счастливое общество» (1759) Сумароков делится собственным взглядом на проблему счастья, являющуюся центральным вопросом всей утопической мысли. Как указывает В.М. Живов, «в эпоху Просвещения складывается особая мифология государства, частью которой были утопии как выражение социально-этической программы преобразования человека и общества. Мифопоэтическим эквивалентом утопии были Аркадия, Золотой век и т. п. топосы. Они выступали как образец ненарушенной гармонии, в этом мире социальное было приведено в согласие с природой, космосом» [26, С.666].

А.П. Сумароков делает попытку показать модель идеального государства, собственную земную Аркадию, анализируя существующие недостатки общественно-политической жизни своей эпохи. Всеобщим счастьем утопии «Сон.» является материализация «государственной идиллии»: по Сумарокову, гармония внутри общества может сделать человека счастливым. Своеобразие утопии Сумарокова заключается в том, что духовность как основа идеального государства занимает главенствующую роль. А.П. Сумароков был увлечен популярным во второй половине XVIII века в кругу

интеллектуальной элиты России масонством. Проблемы морали, внутреннего совершенствования занимали существенное место в идеологии масонства, которое «в России повлияло на всю ее рождающуюся новую культуру, и прежде всего на художественную литературу» [27, С.150]. Именно в масонских философских и литературных сочинениях прозвучала принципиальная, обоснованная критика многих идей и ценностей XVIII в. Утопические составляющие «благочестия» (скромность и умеренность, отсутствие пороков, человеколюбие) в понимании Сумарокова отражают как традиционные религиозные взгляды на природу человека, так и ценностную систему масонства [23, С.4].

Сумароков рассматривает законы утопического общества с религиозной позиции и ставит знак равенства между гражданским и божественным законом. «Сия книга начинается тако: чего себе не хочешь, того и другому не желай. А оканчивается: за добродетель воздаяние, а за беззаконие казнь» [28, С.240]. Уравнивание государственных и религиозных законов утопического общества можно объяснить положенным в основу нравственным императивом. Христианские ценности становятся порождает законы в утопии. С позиции автора, нравственным законом можно заместить государственный. Следовательно, сумароковское «счастливое общество» строится на идее добродетели и духовности. Степень «идеальности» государства зависит от глубины нравственных ориентиров отдельных граждан и, напрямую, от правителя страны. Государь в «мечтательной стране» Сумарокова обладает набором всех возможных моральных достоинств: «подданных своих приемлет он ласково и все дела выслушивает терпеливо. Слабости прощает милосердно» [28, С.239]. «Счастливая» жизнь народа в утопии

выступает следствием успешной деятельности государя, «великого человека», востребованного народом.

Идеалом общественных отношений у Сумарокова взаимоуважение и «братолюбие» и житие по закону «чего себе не хочешь, того другим не желай», исключающим конфликты, утверждающим миролюбивые и доброжелательные отношения как универсальный принцип.

Сумароков повествует о «счастливом обществе», рассказывает о путях достижения им благосостояния с помощью справедливо избранного верховного правителя; присутствует и описание нравов духовенства, работы Государственного совета и судов, устройства общества и армии.

В утопии А.П. Сумарокова приводятся социально-практические идеи. Публицист высказывается о необходимости перемен внутри структуры государственного управления. Главные общественные функции «мечтательной страны» лежат на Государственном Совете, подобия которого в России XVIII веке не появилось. Деятельность Совета заключается в следующем: «В него никаких частных дел не вносится. Там распоряжки, исправления, узаконения и прочие государственные основания или по велению монарха, или по предложению оному.» [28, С.240]. В идее создания такого аппарата государственного правления заключалось новаторство Сумарокова. Попытки создать подобное учреждение предпринял Н.И. Панин в начале 1760-х годов и в начале XIX в.

Сумароков возрождает во «сне» часть реформ Петра I, во второй половине XVIII в. не определявших государственной политики. По разработанной в 1722 г. Табели о рангах все чиновные категории

(военные, гражданские и придворные) делились на 14 рангов. Получив 14-й ранг, можно было в зависимости от личных качеств и удачливости продвигаться по чиновной лестнице, вплоть до первого ранга, фельдмаршала или канцлера, что способствовало продвижению достойнейших. А.П. Сумароков полагает, что личные достоинства и заслуги перед государством, а не происхождение должны быть основанием для получения должности: «Дети тамо за отеческие прослуги не наказываются, а за услуги не награждаются» [28, С.241]. Такой способ получить чин определяет итог: процветающее государство, где «начальники производятся по достоинству, и оттого подчиненные исполняют их повеления с великим усердием» [28, С.239].

Нравы в обществе основаны на терпимости: тунеядство, пьянство, азартные игры «презираются», но, «уважая вольность», не запрещаются. Армия славится порядком, в ней не допускается мародерство и разбой.

Утопическая концепция устройства государства, по Сумарокову, базируется на рационализме, установке на «полезность», идеале просвещенной монархии, культе государства.

Центральное место в образной системе памфлета Сумарокова занимает образ идеального правителя. Мысли о том, что благосостояние достижимо посредством общественного давления или революции Сумароков не предлагает. «Сон счастливое общество» является типичным произведением эпохи Просвещения с обращением к власти напрямую. Сумароков не смеет хулить власть или выставлять ее в невыгодном свете. Общество виновно в своих грехах, и если судьба посылает ему хорошего правителя, то оно имеет право

называться счастливым. Можно сказать, что это доктрина о том, что нужно идеальному правителю для успешного исполнения своих полномочий.

Идеи нравственности, духовности как стержня общества появляются воплощение в поздней утопии А.П. Сумарокова «Хор ко превратному свету» (1763), произведении, написанном для маскарада «Торжествующая Минерва». В этом маскараде «Сумарокову было поручено изображение «превратного света» - антипода «золотого века». В первом разделе маскарада заключались, по-видимому, сатирические намеки на Петра III. Затем осмеивались пороки: пьянство, прожектерство, бюрократизм. К этому разделу шествия Сумароковым написан хор народным складом, заключавший элементы политической программы автора» [29, С.128].

«Сатирическое» и «идеальное» у Сумарокова выступает в едином комплексе. Эта особенность утопического жанра была отмечена Ю.В. Стенником. Утопия «по своей художественной природе неразрывно связана с сатирой. ибо в ней фиксируется тот идеальный полюс мировосприятия, который противостоит обману и насилию, обличаемому в сатире» [30, С.204]. Проблематика утопии соотносима с сатирическим творчеством А.П. Сумарокова (проблема идеального дворянина, гуманного отношения к крестьянам, взяточничества и т. д.) [23, С.6].

Публицист отрицает уклад реального мира, полного пороков и изживших себя устоев, и предлагает новый идеал государственного устройства. Сумароков видит идеал в просвещенном государстве, в котором осуществляется верховенство законов, а граждан можно назвать грамотными, порядочными и трудолюбивыми. Одновременно

с этим, отношения между членами общества основываются на взаимном уважении ряде и незыблемых принципов гуманности. Определение «превратный» в значении «ложный, искажающий истину» [31, с. 469], можно применить к образу России, представленному как антипод мира утопии. Учитывая данный факт, можно выбрать рассмотрение его как антиутопии, изображающей нежелательные явления, одним из способов анализа «Хора». Целью утопического творчества А. П. Сумарокова было создание позитивного идеала России XVIII в.

М. М. Щербатов также, в свое время, являлся видным литератором и публиковал свои статьи, заметки и главы из романа в частных изданиях. Утопическая тематика находит отражение в его романе, где свои мысли о судьбах России М.М. Щербатов облек в форму романа утопического характера «Путешествие в землю Офирскую г-на С. швецкаго дворянина». Произведение было закончено к середине 80-х годов XVIII века. Офирская земля включает в себя ряд населенных пунктов, географические названия которых являются анаграммами российских городов, рек и губерний: Перегаб - Петербург, Квамо - Москва, Тервек - Тверь и т. д. [23, С.7] Утопический Офир – это пространство, где личное, индивидуальное, подчинено государственному. По Щербатову, все стороны жизни должны быть подчинены регламенту: только таким путем страну можно привести к гармонии, общество - к процветанию. Подобное стремление к непротиворечивости, систематизации было присуще Просветителям. Щербатов переносит его на общество, разделенное в утопической реальности на сословия с жесткими разграничениями, и жизнь внутри сословий регламентирована до мелочей.

Исполнение предписанных норм контролируется полицией, представляющей собой средства, осуществляющие внутреннюю государственную политику. В широком смысле «полиция» была учением об оптимальном устройстве жизни в государстве. Таким образом, полиция противостоит политике как внутреннее - внешнему и потому близка экономике, праву и морали [25, С.286] и следит за динамикой развития нравственности в обществе.

Писатель считает, что общество нуждается в специальных военных поселениях для поддержания государственной власти и устройства общественного порядка. Некоторые губернии утопической страны носят военный статус, что выражается в приближенности внутреннего устройства к быту казарм. Идею военных воплотили XIX веке под руководством А. А. Аракчеева, поэтому утопию Щербатова можно считать пророческой. Это еще раз доказывает, что произведения утопического характера создаются на основе детального анализа окружающей действительности и служат откликом на события, происходящие в обществе.

В целом сочетание тотального контроля над личностью, верховенство закона и апелляция к нравственным ценностям составляют сущность утопического Офира [23, С.7].

В русской публицистике утопия и «сон» не всегда вырастали в отдельные самостоятельные произведения и могли являться быть их составными частями. В пример можно привести главу «Спасская Полесь» из «Путешествия из Петербурга в Москву» (1790) А.Н. Радищева как утопический фрагмент. Хотя элементы социальной утопии содержатся практически во всех главах, «Спасская Полесь» посвящена «перспективам должного» [23, С.8]. Радищев обращается к

утопии, а именно, к жанру «сна» в попытках найти решение проблем, стоявших перед русским обществом в конце XVIII века.

Радищев осознавал, что крепостничество и самодержавие органически связаны друг с другом. По мнению писателя, царь — «преступник изо всех первейший», который является главным виновником совершающегося зла. Не имея возможности прямо выступить против Екатерины II, Радищев в главе «Спасская Полесь» помещает аллегорический сон путешественника — очень смелую сатиру на императрицу и ее ближайшее окружение. В нем Радищев замечает, что царь прослыл в народе «обманщиком, ханжою и пагубным комедиантом», и обращает внимание на несоответствие между словами и делами Екатерины II: показной блеск и великолепие фасада империи скрывает ужасные картины угнетения народа. Центральное место сна занимает встреча царя с «неизвестной странницей» Прямовзорой, истиной, которая снимает царю пелену с глаз. После этого все вещи предстают перед царем в естественном их виде. Прямовзора обращается к царю со словами, полными гнева и презрения: «Ведай, что ты...первейший разбойник,...враг лютейший, устремляющий злость свою на внутренность слабого» [23, С.8].

Проблематика главы затрагивает самую полемичную и злободневную тему XVIII века, а именно отмену крепостного права, что обуславливает идейное содержание «сна». Именно отмена крепостного права являлась самым радикальным планом по преобразованию страны, намеченным Екатериной II существовал проект будущих реформ, содержащийся в подготовительных записках к «Наказу», где было провозглашено равенство граждан перед законом, веротерпимость и вольность. Тем не менее в окончательной

редакции «Наказа» вопрос об отмене крепостного права не был решен.

В тоне рассказчика чувствуется усталость и отсутствие гармонии в его душе («У меня был обед, и множество так называемых друзей, собравшись, насыщали праздный свой голод на мой счет. Один из бывших тут, который внутренне меня не любил, начал говорить с сидевшим подле него...»). Рассказчик, как и автор произведения, возмущен отсутствием реальных политических действий со стороны монарха и общей неграмотностью крестьян. Крестьяне представляют собой целый пласт лишенных свободы граждан. Сон в данной главе представляет собой попытку создания утопической реальности для демонстрации слабости политических решений и российского Просвещения, было реализовано на практике в гипертрофированной манере и не было распространено внутри огромного пласта граждан российского государства, крестьян.

Радищев считает, что мир в душе человека становится возможен только тогда, когда он свободен и все в обществе имеют равные права [23, С.8]. Писатель связывает идею «естественного права» с необходимостью устранения крепостничества: поскольку люди променяли свободу на мирное существование, то и в ограничении природной воли также должны быть равны [30, С.204].

Закон выступает как регулятор человеческих взаимоотношений в утопических главах произведения А.Н. Радищева. Вначале автор создает видение закона как представление о нравственных, «неписанных» нормах, делая ставку на воспитание свободных духом граждан, ориентированных на сознательное существование в мире.

Среди важнейших «гражданских» качеств во «сне» указаны миролюбивость и человечность.

Немаловажно вспомнить и об утопической главе «Хотиллов. Проект в будущем», где государство провозглашено «блаженным» по той причине, что оно лишено крепостной зависимости. Этот факт подтверждает о том, что общество со свободными и высокими нравами является авторским идеалом.

«Сон» как жанр используется российскими публицистами XVIII века в малых количествах. Об этом свидетельствует малое количество текстов, созданных в этом жанре. «Сон» чаще используется как утопический прием и занимает не весь текст, а его часть. Это видно на примерах произведений Щербатова и Державина. Невысокая степень популярности жанра «сна» во многом объясняется недостаточной проработанностью системы утопических жанров в России. Осваивание утопия как жанра российскими писателями берет начало в XVIII веке, когда авторы методом проб и ошибок создают первые тексты с характеристиками утопии. «Сон» и онирическая тематика вызывает интерес у ряда авторов, но не занимает главенствующей позиции среди популярных.

«Сон» представляет интерес журналистов XVIII века и потому, что служит средством создания сатирических произведений. Сатира служит средством обличения пороков через психологическое воздействие на читателя средствами выразительности и выбором жанра. Сон очень многогранен, поскольку концентрирует не только субъективную динамику психики и всецело интимные переживания личности, но и такие глубинные процессы ее психики, которые являются архетипичными или свойственными всем людям.

Характерные для Просвещения идеи (совершенные законы, образованный и мудрый монарх, «духовное, нравственное просвещение» и т. п.) стали основой не только для самых распространенных жанров (ода, сатира), но и для утопии, которая в качестве литературного жанра в России еще только формировалась в XVIII в. «Сон» служит методом создания оды и сатиры, создавая во многом утопичный призрачный мир как перевернутое отражение реальности.

Утопические произведения с использованием жанра «сна» в XVIII веке имели существенные отличия. Так, А.П. Сумароков полагается главным образом на духовность, внутренние качества человека. М.М. Щербатов также признает важным компонентом идеального государства нравственность граждан, однако считает, что только строгие законы могут контролировать личность. В целом Сумароков и Щербатов в рассмотренных утопиях указывают на особое место дворянства в обществе, именно оно представляет образец для других сословий [23, С.10]. Особым образом необходимо отметить, что авторы изображают «идеальное», напрямую связывая «идеальное» с социально-практическими идеями, которые получают реализацию при положительном стечении обстоятельств, а именно появлении монарха, ориентированного на свободу личности. Авторы во многом предвосхищают дальнейшие политические события, поскольку предложенные в утопиях государственные нововведения (Государственный Совет, военные поселения) позднее оказались востребованными в России. Следовательно, утопическая литература второй половины XVIII в. отвечала конкретным потребностям общества и воплощала в художественной форме идейные позиции авторов и важнейшие мировоззренческие установки эпохи, предлагая различные способы усовершенствования действительности.

Высокая степень абстракции, побег от реальности, дистанцирование от существующих законов творчества, свободный полет фантазии и официальная возможность для писателей свести воедино все существующие в обществе представления о «правильном» государственном устройстве, которое впоследствии должно привести общество к безграничному счастью. Используя составляющие жанрового своеобразия текста, писатель может позволить себе быть в крайней степени сатириком и объективным критиком. Утопия представляет собой не более чем пир авторских иллюзий, домыслов и опасений, реально существующих или намеренно созданных для большей выразительности.

2.2 Использование «сна» как сатирического приема в сочинениях

М.Е. Салтыков-Щедрин, Ф.М. Достоевского, Н.Г.

Чернышевского

Тексты публицистов второй половины XIX века развивают тему крепостного права и личной свободы граждан. Общественная политическая мысль сводится к борьбе масс за освобождение страны от ее узурпаторов. Задачей передового социума является стремление к победе над неразвитостью, ибо «главная и самая существенная причина бедности нашей народной массы заключается... в недостатке сознания этой бедности» (33, С.260).

Давая оценку реформам 60-х годов, Салтыков-Щедрин раскрывает их крепостническую сущность. Салтыков-Щедрин увидел классовую природу земств, антинародный характер многих их начинаний. Писатель никогда не выступал против земства в качестве органа местного самоуправления. Он выступал против крепостников-помещиков, которые прилагали все силы к сохранению своих привилегий. Крепостники-помещики пользуются привилегиями, обеспеченными бездействием политических властей на пути к демократизации общества. Однако либералы провозглашают демократические свободы как желательный путь развития для России XIX века.

Нелогичность и консервативность политических реформ приводит к реакции в СМИ. Пореформенная журналистика жестока к обывателям и приравнивает их к дезертирам. Назрели проблемы, которые нужно решать. М.Е. Салтыков-Щедрин отражает в своих публицистических статьях проблемы русской жизни, самые жгучие и острые. Из-под пера писателя появляются следующие публицистические циклы: «Дневник провинциала в Петербурге», «Благонамеренные речи», «Письма к тетеньке» [6, С.321-324].

Ряд проблем, которые рассматривает сатирик, чрезвычайно широк: официальная бюрократия, изображенная и вкривь, и вкось, власть капитала над неокрепшими умами как разночинцев, так и дворян, ужесточение цензуры, невежество обывателей, предательская сущность либерализма и т.д.

Михаил Евграфович высмеивает буржуазную прессу, которую во времена Сумарокова могли бы назвать «улыбательной» сатирой, и отказ от вынесения острых насущных проблем на суд общественности. Для писателя такое поведение есть ни что иное как пассивность вместо действия. Салтыков-Щедрин публикует фельетоны, памфлеты, эссе, где выражает свое возмущение касательно нежелания либералов принимать меры и решать давно назревшие проблемы. Возможность революционного разрешения кризиса самодержавия на рубеже 1870-80-х годов признавалась представителями всех политических лагерей, общественных направлений и групп — от наносивших террористические удары деятелей «Народной воли» до царя и его министров [34, С.148]. Большие и радостные надежды на русскую революцию питали социалистические демократы Запада, в том числе К. Маркс и Ф. Энгельс.

Ожидание назревающей в России революции, настроение политического подъема русской демократии, чувствуется во многих местах первых глав «За рубежом», но более ясно определяется в знаменитой пьесе-диалоге «Мальчик в штанах и мальчик без штанов» [35, С.1—2]. Диалог включен в главу I книги и имеет право называться определенным ключом к пониманию идеи, подтекста всего произведения, его историко-философской мысли, которая здесь как бы сильно и сжато «резюмирована». «Диалог», как, впрочем, и вообще

первые главы «За рубежом», создававшиеся в условиях некоторого смягчения цензурной практики в условиях кризиса режима, характеризуется известной свободой от эзоповской манеры. Салтыков пишет здесь проще, яснее, без особых затемнений смысла сложными иносказаниями и трудными метафорами [7, С.56].

Немецкий «мальчик в штанах» и русский «мальчик без штанов» ведут между собой совсем не детский разговор. В нем обсуждаются вопросы, относящиеся к философии истории — о социально-экономическом развитии Запада и России и об их будущих судьбах. Образ «мальчика в штанах» олицетворяет положение людей труда, народа, в первую очередь крестьянства в мире развитого западноевропейского капитализма, представленного фигурой «господина Гехта» (Necht по-немецки — щука). Образ «мальчика без штанов» персонифицирует русское крестьянство, существующее в условиях социально-экономической и гражданско-правовой отсталости и всех видов бедности, в условиях «недостаточного развития капитализма» (Ленин). Российский «азиатский» капитализм представлен фигурой одного из «чумазых» — «господином Колупаевым» [36, С.30].

Русский мальчик, симпатии и любовь к которому автора видны и сквозь покров сатиры, обличает немецкого в том, что он «за грош черту душу продал», что родители его заключили с «господином Гехтом» «контракт». Немецкий мальчик, в свою очередь, полагает, что русский мальчик поступил гораздо неразумнее, так как отдал Колупаеву свою «душу» «совсем задаром». Но «мальчик без штанов» в этом-то и видит свое большое, преимущество: «Задаром-то я отдал — стало быть, и опять могу назад взять...» — заключает он разговор с «мальчиком в штанах», несколько загадочно, но оптимистически

заверяя своего собеседника в другом месте: «Погоди, немец, будет и на нашей улице праздник!»

Салтыков -Щедрин устанавливает здесь чрезвычайно существенное общее различие в положении крестьянства в странах Западной Европы и России. «Как хотите, а это очень и очень интересная разница!» — замечает писатель.

Корень различия — в ином историческом положении по отношению к национальной буржуазной революции. Для крестьянских масс Запада революция, освободившая их от гнета феодальной эксплуатации, уже позади. Они живут в сложившемся капиталистическом обществе, где законы буржуазной борьбы за существование царствуют безраздельно. Для русского крестьянства, хотя и освободившегося от наиболее суровых форм личной зависимости от помещиков, мир еще не стал до конца буржуазным, вследствие множества сохраненных реформами 60-х годов крепостнических пережитков, включая и такой «пережиток», как самодержавие. Развитие русского капитализма может пойти, применяя определение Ленина, по «прусскому» или по «американскому» пути [33, С.341].

В Европе взаимоотношения мелких крестьянских земледельцев с «гросс-бауэрами» — «господином Гехтом» определяются «правилами», «контрактом». Это мир развитых капиталистических отношений. Но русский «мальчик без штанов» предпочитает этому царству буржуазной «законности» произвол и хищничество «господина Колупаева» — молодой и некультурной отечественной буржуазии [37, С.62].

Идея социального равенства является основной для Салтыкова-Щедрина и прослеживается во всех его произведениях. Писатель

использует «сон» как сатирический прием для создания утопического мира и высмеивания пороков реального мира.

В 1883-1886 гг. М.Е. Салтыков-Щедрин помещает в шестую главу своей книги «За рубежом» (1880-1881) свой сказочный сон, оформленный как прерванная сцена под названием «Торжествующая свинья, или разговор свиньи с правдою». Сцена содержит натуралистические подробности: «Особа, которой, по штату, полагается быть вечно юною, но уже изрядно побитая. Прикрыта, по распоряжению начальства, лохмотьями, сквозь которые просвечивает классический полный мундир, то есть нагота» [39, с. 222]. Эти «Жалкой девица» олицетворяет собой правду. В разговоре правда держится в тени, чем позволяет свинье взять на себя роль оратора.

Свинья задает следующие вопросы: «Правда ли, что ты говорила: законы-де одинаково всех должны обеспечивать, потому-де что, в противном случае, человеческое общество превратится в хаотический сброд враждующих элементов... Об каких это законах ты говорила? По какому поводу и кому в поучение, сударыня, разглагольствовала? ась?» [39, с. 223].

Ответов на свои вопросы свинья не в состоянии осмыслить. Об этом свидетельствует общая отстраненность правды, которая игнорирует большую часть вопросов и отделяется возгласом: «Ах, свинья!» Но, по крайней мере, на один вопрос она сумела свинье ответить. «Где корень зла? - спрашивает свинья. Правда (растерянно). Корень зла, свинья? корень зла... корень зла.., (Решительно и неожиданно для самой себя.) В тебе, свинья!» [39, с. 223].

Сон автора, тем не менее, оканчивается для правды весьма печально: её чавкает свинья под улюлюканье счастливой публики.

Одно утешение: на этом сон обрывается. Концовка раскрывает отношение Салтыкова-Щедрина к либералам и консерваторам, задающим другим и самим себе важные вопросы без стремления услышать ответ. «Сон» воплощает собой перевернутое изображение действительности, иносказательно показывает реформаторов в роли свиней. Свиньи питаются падалью и не заботятся о завтрашнем дне, склоняясь к рассуждениям, которые не конечного порождают действия. Писатель заключает в главу следующую мысль: мало задавать себе вопрос «в чем корень зла?», его необходимо победить, а победы не достичь бездействием.

«Сон» как прием получил отражение в произведениях Ф.М. Достоевского. Общество, которое только что было представлено как идеальное, превращается в свою противоположность. Если прежняя идиллия была связана с чувствами, то «антиутопия» пытается построить счастье на фундаменте разума. Утерянную истину предполагается найти с помощью науки, которая появилась после «грехопадения».

В конце 70-х годов XIX века в журналистике и литературе появляются новые установки: «сознание жизни - выше жизни, знание законов счастья - выше счастья» [40, С.119]. Свежие идеи формулируют в виде лозунгов, что заставляет вспомнить об антиутопиях XX века. В обществе, где всегда царило равенство, с возникновением иерархии начинает выстраиваться коцепция рабства: «Явилось рабство, явилось даже добровольное рабство: слабые подчинялись охотно сильнейшим, с тем только, чтобы те помогли им давить еще слабейших, чем они сами» [41, С.116].

После того, как возникает идея о построении нового разумного общества и воссоздания мира радости и согласия, граждане разделяются на два лагеря. «Премудрые» - это борцы идею

революционного создания разумного общества. «Непремудрые» - консерваторы, не желающие принять новую идею или не понимающие её значения. «Непремудрые» замкнуты внутри одной идеи и неспособны видеть мир в его развитии и динамике, которую они не только не принимают, но и видят как нечто постыдное. Начинаются войны, и «премудрые» истребляют «непремудрых».

Эта часть сна во многом утопична, поскольку происходит свержение существующей системы как краха для человека будущего. Кроме того, Достоевский демонстрирует несостоятельность борьбы, поскольку победа достигается не мудростью, а насилием, что неизбежно приведет к дальнейшему истреблению себе подобных существ.

На данной идее построена вторая часть сна, опровергающая смысл существования утопии. О.А. Донских пишет, что рай в истории (а не в вечности) для Достоевского невозможен: «Пока человек не преображен, он развратит все вокруг, разрушит любой рай. Переходного периода быть не может. Есть или рай или ад, никакого чистилища, потому что из чистилища дорога может вести только вниз, к земле, а не вверх к небу» [42, С.76]. Об этой невозможности сам смешной человек говорит так: «Больше скажу: пусть, пусть это никогда не сбудется и не бывать раю (ведь уже это-то я понимаю!), - ну, а я все-таки буду проповедовать» [41, С.119].

«Сон смешного человека» являет собой антиутопию, базирующуюся на отрицании возможности появления счастливого общества и рационального выбора. Будучи емкой сатирой на веру людей в то, что насилие приведет их к лучшему существованию, «сон» отрицает саму вероятность существования земного идеального мира. В тексте можно проследить мотивы, которые получают развитие в антиутопиях XX века.

«Сон» у Достоевского являет собой не столько сатирический, сколько психологический прием. Смешной человек признается: «Они дразнят меня теперь тем, что ведь это был только сон. Но неужели не все равно, сон или нет, если сон этот возвестил мне Истину? Ведь если раз узнал истину и увидел ее, то ведь знаешь, что она истина и другой нет и не может быть, спите вы или живете» [41, С.109]. Автор дает понять, что окружающие видят сновидение как только «сон, бред, галлюцинация», когда сам персонаж рассматривает его как нечто большее, чем «только сон». Смешной человек жаждет проповедовать Истину, открывшуюся ему, и делает попытку отграничить свое сновидение от обычных снов.

Во-первых, герой «Сна...» на самом деле воспринимает содержание видения в первую очередь духовно, поскольку ни одно из событий сна не могло произойти в действительности; потому нельзя рассматривать перемещения героя как «чудесное путешествие». Во-вторых, смешной человек не устает повторять: «я видел ее (Истину), видел своими глазами, видел всю ее славу» [41, С.118].

По традиции, в видениях был изображен загробный мир. Сновидение смешного человека начинается с его самоубийства, так что всё, произошедшее после, происходит как бы «на том свете». Во время полета с таинственным проводником, возносящим его к звёздам, герой удивляется: «А, стало быть, есть и за гробом жизнь!» [41, С.110].

Персонаж «Сна...» встречает проводника, опечаленного нежеланием людей опираться на разум и их стремлением к насилию. «Тёмное существо» знает не только о цели «путешествия», но и о том, чем оно кончится: «Увидишь все, - ответил мой спутник, и какая-то печаль послышалась в его слове» [41, С.111].

Сон смешного человека состоит из двух частей: в первой герой видит чудесный мир, где царит всеобщая радости. Этот мир являет собой концепцию «рая». Во второй части персонаж попадает в мир страданий и скорби, являющий собой «ад». Это условное обозначение, которое можно интерпретировать по-разному. Если опираться на тезис о том что публицистические и художественные произведения создаются как реакция на действия государства относительно попираательства или дарования свобод человека, то «Сон...» демонстрирует отношение Достоевского к несостоятельности идеи революционного захвата власти, поскольку это не решит главной проблемы. Насилие не поможет изменить сознание, оно только развратит его. Но человечество все еще недостаточно разумно, чтобы победить свое невежество. Оттого оно стремится к радикальным мерам, надеясь на быстрый результат.

Обитатели мира первой части «Сна...» имеют мало общего с бесплотными душами, а саму «утопию» способно разрушить появление иностранца. «Ад» во многом напоминает привычную земную реальность, где кошмар происходящего отражает кошмар в душах человека. Можно вспомнить всех одержимых страстями героев Достоевского, чтобы убедиться в мысли о том, что человек есть сам себе ад. Он может вступить в борьбу со своими внутренними демонами, как это делает Алеша Карамазов («Братья Карамазовы»), а может растратить себя на мелкие страсти и погибнуть (Свидригайлов).

Таким образом, «Сон смешного человека» являет собой во многом реальную картину мира, где люди, не испорченные квартирным вопросом (М.А. Булгаков), борются за торжество разума, но проигрывают собственным страстям. Смешному человеку, разочарованному в силе разума («добро бы я разрешил вопросы; о, ни одного не разрешил, а сколько их было?»), демонстрируется не

религиозное видение, где рай в нем напоминает социалистическую утопию, невозможную в реальности по причине отсутствия в ней реальных живых существ (человека, одержимого внутренним адом). Смешной человек определяет судьбу мира, в который он попал, чем демонстрирует идею роли каждого отдельного человека в процессе формирования общества.

«Сон смешного человека» не является утопией, так как Достоевский не предлагает проект идеального общества, а, напротив, скорее опровергает существующие шаблоны. Исходя из этого, можно называть рассказ антиутопией, однако разоблачение утопии - лишь одна из целей автора, причем вряд ли основная. К тому же формально жанр антиутопии окончательно складывается лишь к XX веку [42, С.67]. В рассказе прослеживается структура европейского средневекового видения; даже если автор наполняет её новым содержанием, нельзя сказать, что форма используется в пародийном ключе: герой рассказа сталкивается с откровением, подобном тем, с которыми сталкивались визионеры.

Связь «сна» как сатирического и психологического приема и политических решений дореволюционной России явно прослеживается в произведении Н. Г. Чернышевского «Что делать?».

Политические взгляды Чернышевского тяготели к социализму и общей «европеизации» России. Он рассматривал решение крестьянского вопроса и обоснование экономических задатков социализма, которые усмотрел в поземельной общине, как единое целое. Развивая тему общины, Чернышевский использует цивилизационный подход («образ мысли») и склоняется к повышению «качества» цивилизации. Здесь демонстрируется просветительская идея в социалистическом ключе, основанном на принципе равенства. «Истинное благоденствие не в той стране, где «есть все материальные

залогии благоденствия, но нет сил, даваемых цивилизацией для пользования этими залогами”, а в той, где “при малых средствах и при невыгодных обстоятельствах есть высокое развитие цивилизации и соединенных с ней благ» [43, т. 4, С.411].

Чернышевский своей деятельностью старался приблизить построение справедливого, разумного строя, в условиях которого бы каждый человек мог развивать свои способности, работая на себя и на государство. Таковы «сны Веры Павловны», тяготеющие к идее равенства и построения идеального социального взаимодействия. Чернышевский сталкивает читателя с очередной утопией, а «сон» служит приемом ее создания. Вопрос, который задает себе утопия Чернышевского, затрагивает проблемы счастья и богатства, для чего необходима универсально приемлемая для каждого общественная формация.

Сны в романе Чернышевского воплощают собой представление об по-иному смотря на женщину и ее роль в общественной жизни. Лопухов “выпустил из подвала” жизни Веру Павловну, чтобы она сознательно могла получить платформу для саморазвития и выбрать путь. Она становится создательницей женской артельной мастерской. а затем ассистенткой своего второго мужа — врача Кирсанова, чем демонстрирует свободу выбора.

Через сон героини автор показывает путь мыслящего человека (женщины, что было революционно для России XIX века) к вершинам профессионализма и сознательности. Утопия Чернышевского являла собой вызов патриархальным общественным устоям общества второй половины XIX века. Женщинам отводилась второстепенная роль: хранительниц очага, воспитательниц детей, которым дано будет жить в новом мире, но матери, жены, сестры и дочери не могли рассчитывать на более широкий круг общественной деятельности.

В снах Веры Павловны писатель объясняет или предсказывает то, что последует потом в жизни героев или России в целом. Четвёртый сон Веры Павловны — это утопическое видение Чернышевским будущего справедливого общественного устройства страны. Своего рода это классическое описание коммунистического устройства страны, к которому впоследствии шла Россия на протяжении ряда лет.

В снах Веры Павловны заключена вся Россия. В первом сне Верочке снится, что она заперта в сыром, тёмном подвале, символизирующем устарелость патриархальных взглядов. Во втором сне поднимается тема женской эмансипации. Излечиваясь от паралича сама (закостенелости нравов и сознания), Вера Павловна получает возможность излечить от него других девушек. Девушка, излечившая от паралича Веру Павловну, олицетворяет будущую революцию, а её женихи — это революционеров, готовых к борьбе за переустройство жизни [43, С.184].

Четвёртый сон рисует утопическую картину жизни будущего социалистического общества, настоящий земной рай. В этом идеальном мире царит невиданная роскошь, работают мастерские, почему-то преобладает алюминий (для того времени драгоценный металл), при этом все счастливы в свободном труде. Фантастические описания грядущего чётко оттеняют основную мысль романа: всё это легко осуществится в ближайшем будущем, стоит только довериться Рахметовым и сообщая “делать” революцию по рецептам, взятым из сновидений Веры Павловны [43, С.210].

«Сон» используется Чернышевским как метод создания утопического произведения, в котором царит пафос «светлого будущего» и возможность вселенского счастья, в которую в 60-70-е годы российские публицисты очень хотели верить.

В отличие от Гончарова, который показал в главе «Сон Обломова» свой идеал России со всеми её бедами и слабостями — тот идеал, который был обращён не в будущее, а в настоящее, — Чернышевский в снах Веры Павловны отрицает саму возможность построения справедливого общества на основе царского режима. Ему кажется, что только восстание и революция могут принести счастье. Но это была утопия, и партия большевиков спустя полвека, предприняв попытку построения справедливого общества по планам социалистов-утопистов, в конечном итоге была вынуждена признать свои заблуждения [11, С.296].

Жанр «сна» в своей динамике обогащает публицистические тексты новыми смыслами и придает им особое звучание в 60-е годы XIX века. Сатирические публицистические тексты этого времени вбирают в себя психологизм и нацеленность на осмысление действий политической власти.

Действия, основанные на догматах и на патриархальности российского общества, не объясняются монархами и не учитывают интересов всех граждан, что обрекает их на дальнейший провал. Герои текстов Чернышевского, Достоевского, Салтыкова – Щедрина вынуждены отправиться в «перевернутый» мир утопии и вернуться хоть «обновленными, преображенными, очистившимися от греховных подсознательных влечений и психических комплексов» [13, С.280] и готовыми к сознательным действиям. В какой-то степени — это возвращение из тревожного сна в потустороннем к тягучему, вялотекущему, вязкому, непробудному сну так называемой реальной действительности [13, С.271] и осознание чего-то нового. Осознание ведет к духовному катарсису и общественному прогрессу, за что ратовали журналисты второй половины XIX века.

Заключение

Для современного человека сон почти утратил мистическое значение. Озабоченные личными или производственными проблемами, мы едва ли станем прибегать к тому способу их разрешения, какой с успехом практиковал знаменитый изобретатель Томас Эдисон [13, С.302].

Появления более пространных и многоплановых исследований в данной области можно ожидать уже в недалеком будущем, коль скоро так стремительно и обнадеживающе снята многолетняя блокада мертвящей, безбожной идеологии — идеологии тоталитаризма, догматики, мрачного единомыслия, псевдонаучности, дурно или превратно понятого «материализма» и скверно (воистину «не по Гегелю») усвоенной диалектики [13, С.301].

Жанр «сна» имеет право относиться к сатирическим жанрам, поскольку выполняет функции, наложенные на сатирические жанры. Иначе говоря, тексты, выполненные в жанре «сна», призваны обличать пороки, раскрывать психологизм гражданина государства, где превалирует неверная идея, демонстрировать духовный катарсис как путь к осознанному существованию. Во многом «сон» в художественных произведениях мировой литературы являет собой мысли персонажей и реакцией их бессознательного на общественные процессы. Авторы используют его, чтобы доказать тезис, лаконично высказанный Л. Н. Толстым «Берегитесь своих мыслей. Они – начало поступков».

Жанр «сна» является производной жанра «утопии» и используется для того, чтобы погрузить объект повествования в условия, диаметрально противоположные привычным, для сравнения

«реального» и «идеального», а также рефлексией над способами реализации «идеального».

Эволюционировавший жанр «сна» становится сатирическим приемом обличения, тяготеющим к еще большей рефлексии над происходящими событиями. Это хорошо прослеживается в произведениях Салтыкова-Щедрина. Классовое неравенство в обществе автор выражает посредством героев – антагонистов, которые являются типичными героями в типичных обстоятельствах. Тексты реалистического характера в большой степени психологичны и нацелены на обратную связь с читателем. Автор призывает задуматься о том, что возможные нормы, принятые группой людей, не совсем адекватны при ближайшем рассмотрении.

Сновидение есть метафора, контекстуализирующая аффект (Хартманн). Метафора бесконечно изменчива, но аффект сравнительно постоянен. Он пускает в действие метафору и руководит движением к пониманию. Посредством бессознательного мышления, прежде всего сгущения, сон находит ориентиры среди бесчисленных дезориентирующих тревог сознательного ума, фокусируя внимание на самом важном [44, С.147-170].

Список использованной литературы

1. Зюмтор П. «Опыт построения средневековой поэтики» СПб., 2002, с. 92.
2. Дынник М. «Сон, как литературный приём» // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. / Под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина и др. — М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. — Т. 2.
3. Гринберг М.С., Успенский Б.А. «Литературная война Третьяковского и Сумарокова в 1740-х– начале 1750-х годов» М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2001. – 133 с.
4. Орлов А. С., Георгиев В. А., Георгиева Н. Г., Сивохина Т. А. «История России»: учеб. — 2-е изд., перераб. и доп. / И90. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004.— 520с.
5. Западов А.В. «История русской журналистики XVIII-XIX веков»: 3-е изд., испр. — М.: Высшая школа, 1973. — 520 с.
6. Есин Б. И. История русской журналистики (1703 – 1917). - М.: Наука, 2000. – 370 с.
7. Соловьев Г., Птушкина Л. «Салтыков – Щедрин М. Е. в русской критике»: Государственное издательство художественной литературы, 1959. – 617 с.
8. «Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов» под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чешихина-Ветринского: электронная версия - <http://feb-web.ru/>
9. Руднев В. «Культура и сон»: научная статья, Даугава, 1990. - №3
10. Славина О. Ю. «Поэтика сновидений / на материале прозы 1920-х годов»: диссертация, Санкт – Петербург, 1998 г. - <http://cheloveknauka.com/>
11. Нечаенко Д. А. «Сон, заветных исполненный знаков: Таинства сновидений в мифологии, религии и художественной литературе»: Москва: «Юридическая литература», 1991 г. – 304 с.
12. Нечаенко Д.А. «Формирование жанра сна в прозе Лескова: на стыке традиций»: Орел: «Ученые записки научного университета» - научный журнал, 2011 г.

13. Свентоховский А. «История утопий. От Античности до конца XIX века»: Москва: Либроком, Изд. 2-е. 2012. — 427 с.
14. Зюмтор Поль «Опыт построения средневековой поэтики»: Санкт - Петербург, 2002, с. 92
15. Лотман Ю. М. «Культура и взрыв»: Москва: Гнозис; Издательская группа «Прогресс», 1992. — 272 с.
16. Тимофеев В. П. «Другое слово о полку Игореве». — Москва: Вече, 2007. — 432 с.
17. Крылов И. А. «Комментарии к «Почте духов» в Полном собрании сочинений в 3 т.» Москва: ГИХЛ, 1945
18. Борхес Х. Л. «Письмена Бога»: Москва: Республика, 1997 [Электронная версия]
19. Ремизов А. М. «Собрание сочинений в 10 – ти томах» Т. 7. – Москва: Русская книга, 2002
20. Мочульский К.В. «А. Блок. А. Белый. В. Брюсов» Москва: Республика, 1997
21. Ходасевич В.Ф. «Державин»: Москва: Современник, 1988
22. Грибоедов А.С. «Полное собрание сочинений в 3-х томах» Т.3. – Санкт-Петербург: Нотабене, 2006
23. Тараканова А. Д. «Русская литературная утопия второй половины XVIII века»: Научная статья: Ученые записки Казанского университета, 2009
24. Фуэнтес Ф. «Утопия» Мир Просвещения. Исторический словарь / Под ред. В. Ферраса, Д. Роша. - Москва: Памятники ист. мысли, 2003. - 668 с.
25. Артемьева Т.В. «От славного прошлого к светлому будущему: Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения»; Санкт-Петербург: Алетейя, 2005. - 496 с.
26. Живов В.М. «Государственный миф в эпоху Просвещения и его разрушение в России конца XVIII в.» Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. - Т. IV, 685 с.
27. Сахаров В.И. «Миф о золотом веке в русской масонской литературе XVIII столетия»: Вопросы литературы. - 2000. - № 6

28. Сумароков А.П. «Сон. Счастливое общество»: Русская литература XVIII века. 1700-1775: Хрестоматия. - Москва: Просвещение, 1979
29. Гуковский Г. А. «Русская литература XVIII века»: Москва: Аспект Пресс, 2003. - 453 с.
30. Стенник Ю. В. «Русская сатира XVIII века» Санкт-Петербург: Наука, 1985. - 363 с.
31. Ожегов С. И. «Словарь русского языка» Москва: Русский язык, 1988. - 750 с.
32. Свентославский В. В. «Каталог утопий» Москва, 1923. - 192с.
33. Ленин В.И. Полное собр. соч. Изд. 5, т. 20, с. 174.
34. «Дневник Д. А. Милютина»: Ред. и примеч. П. А. Зайончковского, т. 3, 400 с.
35. «Новороссийский телеграф», Одесса, 1881, 24 февраля, № 1827
36. Сыромятников С.Н. «Опыты русской мысли» Санкт-Петербург, Кн. 1, 1901- 457 с.
37. Ковалевский П.И., С. Н. Сыромятников, А. М. Михайлов «Наши враги: Очерки» Санкт-Петербург, 1915 – 369 с.
38. Даниленко В. П. «Главные добродетели в сказках М. Е. Салтыкова-Щедрина»: «Вестник Иркутского государственного лингвистического университета», Выпуск № 2 (14), 2011
39. Салтыков-Щедрин, М.Е. Собрание сочинений: в 10 томах. Москва: Правда, 1988, - Т.7 458 с.
40. Достоевский Ф.М. «Полное собрание сочинений» Том 22. -Ленинград: 1981 – 657 с.
41. Достоевский Ф.М. «Полное собрание сочинений» Том 25. -Ленинград: 1983 – 701 с.
42. Донских О.А. «Странный рай Достоевского» (по мотивам «Сна смешного человека»): Критика и семиотика. - 2006. - № 9.- С.51-77
43. Чернышевский Н. Г. «Полное собрание сочинений в 16 томах»: Москва, 1939 – 1953. Т. 4,7 - 952 с.
44. Hartmann, E. «Outline for a theory on the nature and functions of dreaming. Dreaming», 6, (1996), - 483 с.

45. Тертычный А. А. «Жанры периодической печати»: Москва, 2000- 310 с.